

— Дзинь! Дзинь!

Вэнь Тяньхэ дважды парировал выпады дяди Яна кинжалом. Ноги едва успевали за стремительно меняющимся темпом боя, а из глаз крупными каплями катились слёзы. В каждой чистой, как хрусталь, слезинке будто проносилась тёплая, открытая улыбка дяди Яна. Слёзы одна за другой падали на сырую землю, мгновенно растворяясь в пыли, исчезая навеки.

«Мальчик мой, запомни: перед лицом зомби никогда не проявляй жалости. Бей точно, сильно и без промаха. Даже если это тот, кого ты знал. В такой миг оборвать его мучения — единственное милосердие».

Слова дяди Яна, его извечные наставления, эхом бились в ушах.

— А-а-а!

Вэнь Тяньхэ не выдержал сокрушительного натиска и рухнул на колени. Рот наполнился солоноватой, металлической сладостью — из разбитых дёсен сочилась кровь. Обладая лишь слабой ментальной силой ранга Е, он не отличался выдающейся боевой мощью. Он отчаянно пытался сформировать ментальный клинок для атаки, но истощение последних дней высушило его разум до дна.

Глядя, как дядя Ян заносит над его головой тяжёлую руку, готовясь нанести смертельный удар, Вэнь Тяньхэ инстинктивно зажмурился.

Грохот выстрела разорвал пространство.

Дядя Ян рухнул навзничь. Пуля пробила висок навывлет.

Вэнь Тяньхэ распахнул глаза и уставился туда, откуда донёсся выстрел. Он выглядел дико и ошеломлённо.

Он безумно улыбнулся, и из лопнувшей кожи на губах крупными каплями потекла кровь. Спотыкаясь, он поднялся на ноги, на ходу утирая лицо грязным подолом рубахи, чтобы прочистить зрение, и без оглядки бросился вперёд.

Но стоило ему подбежать к Лин Сяо, как он резко замер. Улыбка застыла на его лице, превратившись в нелепую маску. Недавно прояснившийся взор снова затуманился слезами, которые теперь хлынули с неудержимой силой, подобно буре.

— Ну и чего ты развылся, глупый? — Лин Сяо посмотрел на юношу, которого вырастил собственными руками. Чумазый, весь в слезах и соплях, вылитый дикий зверёк. Сердце старого воина сжалось от невыносимой нежности и боли, он сам едва сдерживал слёзы.

— Почему?.. Почему так? Что мне делать? Отец, что же нам теперь делать? — Вэнь Тяньхэ рухнул на колени перед Лин Сяо, его дрожащие руки судорожно шарили в пустых штанинах. Пальцы натыкались лишь на холодный металл протезов, обнимавший обрубки костей...

«Как же так? Его ног действительно больше нет... Совсем нет!»

— Я... я отнесу тебя домой. Мы прямо сейчас вернёмся на базу! — Вэнь Тяньхэ порывисто развернулся спиной, силой натягивая чужие руки себе на плечи. Он отчаянно пытался взвалить его на себя, но тело казалось неподъёмным.

«Почему я не могу его поднять? Ну почему?!»

— Глупый мальчик, мне уже не вернуться, — Лин Сяо мёртвой хваткой сжал плечи юноши. Спина Вэнь Тяньхэ мелко дрожала, из горла вырывались глухие, сдавленные рыдания.

Лин Сяо заставил себя запрокинуть голову, загоняя слёзы обратно, и грозно рявкнул:

— Ты мужчина или кто? Хватит разводить тут сырость! Соберись!

Этот суровый окрик лишь окончательно сломил Вэнь Тяньхэ. Сдерживать рыдания больше не было сил — он скорчился на земле, зажав голову руками. Горький, неистовый плач заполнил всю комнату, проникая в самое сердце Лин Сяо. Маска строгого наставника дала трещину, и он беззвучно заплакал.

— Послушай меня, сынок. Инструктор уже не жилец. Кто-то отравил наши припасы вирусом зомби высшего порядка. Мы съели слишком много, организм просто не успевает бороться с заразой. Скоро я тоже обращусь. Но то, что перед смертью я увидел тебя... у меня на сердце легко. Никаких сожалений не осталось. — Лин Сяо насильно развернул Вэнь Тяньхэ к себе и крепко прижал к груди.

«Мальчик мой, увидеть тебя напоследок — величайшая милость судьбы».

— Кто это сделал? Кто?! И твои ноги... Я убью их! Разорву на куски! — безумствовал Вэнь Тяньхэ. Он выглядел устрашающе и бесконечно жалко.

— Успокойся и слушай меня внимательно! Когда меня не станет, ты должен забрать кристаллическое ядро из моей головы. S-ранг поднимет твою ментальную силу сразу на два уровня...

— Нет! Не буду! Ты не умрёшь! Я не хочу оставаться один, не хочу!

Хлёсткая, звонкая оплеуха оборвала истерику.

— Прекратить панику! — рявкнул Лин Сяо. — Сделаешь всё в точности так, как я сказал! Слышишь меня? Ты обязан жить. А если вздумаешь сдаться и помереть раньше срока — я лично встречу тебя на том свете и переломаю ноги!

Вэнь Тяньхэ, глотая горькую смесь слёз и крови, бессильно склонился перед ним в глубоком поклоне. Лоб со стуком опустился на холодный пол, и у него больше не осталось сил поднять голову. Он так и не увидел, как Лин Сяо начал умирать.

Лин Сяо понимал: медлить нельзя. Если вирус полностью захватит его разум и превратит в бездумную тварь, ментальная чистота ядра пострадает.

Губы старого воина беззвучно шевельнулись:

— Прощай, мой мальчик.

Гроыхнул второй выстрел.

Этот звук выжгло в самом сердце Вэнь Тяньхэ, оставив глубокий, незаживающий рубец.

Этот выстрел лишил восемнадцатилетнего юношу единственного близкого человека во всём мире.

Задыхаясь от рыданий, он глухо выкрикнул в пустоту:

— Прощай, отец!.. Твой сын провожает тебя в последний путь!

«Живи, дитя моё. Забудь о мести, просто живи. Долго и счастливо...»

Раздался резкий, монотонный писк аппаратуры.

Врач Цзян бросился к медицинскому монитору. Все кривые на экране мгновенно выпрямились в мертвую горизонтальную линию.

В терапевтической капсуле, заполненной питательным раствором, лежал Вэнь Тяньхэ. Его зрачки застыли, дыхание прекратилось. Тело больше не подавало признаков жизни.

Цзунчжэн Чуцзай почувствовал, как по спине пробежал ледяной холод. Ему впервые приходилось видеть смерть кого-то из знакомых. Вэнь Тяньхэ ведь был так молод...

Чуцзай рванулся вперёд и со всей силы заколотил ладонями по прозрачному стеклу капсулы, отчаянно крича:

— Вэнь Тяньхэ! Вэнь Тяньхэ! Приди в себя!

— Лин Сяо! — радостно закричал Вэнь Тяньхэ.

Посреди тенистой, залитой солнцем аллеи на простом складном стульчике сидел мужчина. Он был одет в чистую одежду, обе его ноги были целы, а в руке он держал веер из пальмовых листьев, спасаясь от жары.

При звуках голоса Лин Сяо замер. Он удивился, а затем пришёл в ярость. Он вскочил, схватил свой стульчик и замахнулся на незваного гостя:

— Ах ты негодник! Какого чёрта ты здесь забыл так рано?! А ну пошёл вон отсюда, живо возвращайся назад!

Вэнь Тяньхэ, оценив угрозу, мгновенно развернулся и припустил со всех ног, на ходу крича:

— Да что с тобой такое?! Почему ты вечно сразу лезешь драться?!

Но стоило ему ускориться, как окружающий мир поглотила ослепительная белая вспышка. Сквозь пелену беспамятства до него донеслись отголоски чьего-то далёкого голоса. Кто-то звал его по имени — отчаянно, со слезами и болью.

Раздались прерывистые, частые сигналы приборов.

Буль-буль-буль!

Раствор в капсуле внезапно забурлил, закипая, словно вода на огне. Густой белый пар мгновенно заволок смотровое стекло. Но прежде чем плотная пелена окончательно скрыла происходящее внутри, Цзунчжэн Чуцзай успел заметить, как грудь Вэнь Тяньхэ судорожно вздохнула и начала мерно подниматься.

— Быстрее, вводите стабилизатор! Самый лучший, какой есть! — оцепенение спало с Хо, к его онемевшим пальцам вернулось тепло, а замершее от страха сердце забилось вновь. Разум заработал с лихорадочной скоростью: — Его ментальная сила переходит на новый уровень. Срочно введите катализаторы!

Помощники тут же бросились к верхней панели капсулы, открывая клапаны и подключая трубки высокого давления.

Врач Цзян стремительно подошёл к панели управления, развернул голографический экран и принялся быстро вводить командные коды. Несколько точных касаний — и он нажал на ярко-зелёную кнопку активации. В тот же миг на огромном серебристом блоке за его спиной

хаотично замигали десятки светодиодов.

Спустя секунду по прозрачным магистралям побежала бесцветная концентрированная жидкость, хлынув прямо в терапевтическую ванну.

Струи холодного раствора быстро осадили поднявшийся пар. Конденсат сбегал по внутренним стенкам капсулы прозрачными ручьями. Сквозь эти водяные разводы Хо разглядел, как к бледным щекам Вэнь Тяньхэ медленно возвращается здоровый румянец. Камень, давивший на грудь тритона, наконец-то скатился.

Учитывая нестабильное состояние больного, врач Цзян и дежурные ассистенты установили круглосуточное дежурство.

Цзунчжэн Чуцзай, Цзисин, Хо и Эшоу устроились на ночь на третьем этаже виллы. Цзунчжэн Юйфэй, которому нужно было заниматься делами группы и музея, вернулся ночевать в жилой комплекс главной семьи.

У кромки оранжевого Зеркального озера, раскинувшегося перед виллой, на шезлонге лежал Хо. Он лениво щурился на лёгком ветру, рассеянно перебирая пальцами мягкую шёрстку спящего на его голове Эшоу.

Бледно-сиреневый диск луны отражался в зеркале воды, а крошечные, светящиеся синим неонам рыбки то и дело тревожили глянец озера, превращая лунную дорожку в зыбкое серебряное кружево.

На третьем этаже виллы было распахнуто огромное панорамное окно. У самого проёма высился деревянный мольберт. Молодой мангака, вооружившись карандашом средней мягкости, увлечённо набрасывал раскадровку новой главы, выстраивая композицию и тщательно выверяя пропорции персонажей.

Время от времени он прикрывал глаза, восстанавливая в памяти события суматошного дня. Он мысленно полировал каждую деталь, стремясь перенести свои впечатления на бумагу во всей их первозданной яркости.

Учитывая его происхождение и высокий уровень ментальной силы, ему вовсе не требовалось ввязываться в столь рискованное и непредсказуемое шоу, как «Выживание на дикой планете».

Но он с самого детства боготворил своего легендарного предка, Цзунчжэн Ина. Мальчик вырос на рассказах о его великих походах. Истории о том, как сокрушительно проигрывали захватчики из галактики Зонтичного Облака, заставляли его сердце биться чаще, а известие о подписании вечного мира между предком и Империей Зонтичного Облака до сих пор вызывало у него слёзы искренней гордости.

Мечтая хотя бы на шаг приблизиться к образу жизни своего великого предшественника, он страстно увлёкся экстремальным туризмом.

К тому же, его творческий кризис затянулся, и когда продюсеры «Выживания на дикой планете» в очередной раз обратились к нему с уговорами, он подумал о неизведанных, полных смертельных опасностей и неопикуемой красоты диких мирах окраинных галактик.

Возможно, именно там, на грани риска, он сможет уловить отголоски той великой эпохи и вернуть угасающую музу.

Пока грифель скользил по бумаге, мысли художника незаметно вернулись к Вэнь Тяньхэ.

Даже в эпоху совершенной генетики его рост под два метра заставлял обращать на него внимание. А угольно-чёрные волосы и бездонные тёмные глаза выглядели особенно интригующе на фоне пёстрого, тронутого инсектоидными мутациями межзвёздного общества. Каждое его движение, мимолётная улыбка или взгляд таили в себе какую-то неразгаданную тайну, манящую и непостижимую...

На листе оживал тот самый момент, когда Вэнь Тяньхэ, опасаясь разрушительного излучения барьера, рванулся вперёд и прижал Цзунчжэн Чуцзая к себе. Взгляды их встретились, и между ними словно пробежала электрическая искра.

— Ух ты! С этого ракурса вы смотрите ну очень гармонично! — в золотистых глазах Цзисина заиграло лукавство. Волчонок заговорщически подмигнул: — Твой Лао Вэнь на бумаге получился до неприличия шикарным!

Щёки Цзунчжэн Чуцзая мгновенно вспыхнули. Он попытался напустить на себя грозный вид, но смущённо отводил взгляд. Гордо вскинув подбородок, он возмутился:

— Да куда ты смотришь вообще?! Самый красивый здесь я! И сияю на этом рисунке тоже я!

— Да неужели-и-и?.. — протянул волчонок, вложив в этот короткий звук весь спектр ехидства.

Заметив, что ладонь хозяина уже угрожающе взмыла в воздух, готовая обрушиться на его макушку, хитрый зверь мгновенно протиснул пушистую голову между мольбертом и грудью юноши и заискивающе заскулил:

— Бей, хозяин, бей. Мне совсем не больно!

Против такого приёма у Чуцзая не нашлось аргументов. Сменив гнев на милость, он лишь досадливо вздохнул и принялся безжалостно ерошить густую шёрстку на загривке волка, пока тот не превратился в забавный пушистый одуванчик.

Ошарашенный такой внезапной лаской, волчонок недоумённо захлопал глазами, а затем, заметив, что ладони хозяина остались чистыми, а вся графитовая пыль перекочевала на его белоснежную шерсть, оскорблённо взвизгнул:

— Какой же ты вредный! Опять измазал меня своим карандашом!

— Ха-ха-ха! Только заметил? — Чуцзай так и покатился со смеху. Месть хозяина настигает внезапно, нечего было подтрунивать!

— Всё, я с тобой не разговариваю! — обиженно фыркнул чистоплотный Цзисин и поспешил к выходу, намереваясь как можно скорее отмыться и надушиться любимым парфюмом. Но уже на пороге он резко обернулся и мстительно выкрикнул: — А Лао Вэнь всё равно красивее!

Вдогонку ему полетел ластик, но волк ловко увернулся, и снаряд лишь глухо стукнулся о косяк, отлетев на пол. Из коридора донеслось ехидное:

— Детский сад!

Чуцзай с напускным недовольством уставился на эскиз. Ткнув пальцем прямо в нарисованный лоб Вэнь Тяньхэ, он обиженно зашептал:

— Всё равно я лучше всех... Ой, блин!

Палец оставил на бумаге некрасивое тёмное пятно. Чертыхнувшись, юноша принялся судорожно стирать грязь чистым краем ластика.

За окном прошумел порыв прохладного ночного ветра, взъерошив мягкие волосы юноши. Воздух пах свежестью и влажной травой — приближалась гроза.

Чуцзай перевёл взгляд вниз, на берег озера. Златовласый юноша на шезлонге сбросил иллюзию, явив миру великолепный, переливающийся хвост. Он погрузил его в воду и лениво шлёпал плавником по зеркальной глади, рассыпая вокруг фонтаны искрящихся брызг.

Хо дремал, откинувшись на спинку шезлонга, а у него на голове устроился Эшоу — крошечный белоснежный комочек на копне сияющего золота. Этот контраст белого и золотого выглядел удивительно гармонично и живописно.

Чуцзай перевернул страницу альбома и быстрыми штрихами запечатлел этот момент.

Пусть загадочное отношение тритона к Вэнь Тяньхэ до сих пор вызывало вопросы у него и его брата, это не имело значения.

У каждого есть свои тайны и раны, о которых не хочется говорить.

Взаимное уважение — вот главный закон настоящей семьи.

Если Хо посчитает нужным, он расскажет всё сам, когда придёт время.

<http://bllate.org/book/18356/1863655>